

Александр Иванович Куприн

В цирке

О цирке

Александр Куприн

В цирке

«Public Domain»

Куприн А. И.

В цирке / А. И. Куприн — «Public Domain», — (О цирке)

«Доктор Луховицын, считавшийся постоянным врачом при цирке, велел Арбузову раздеться. Несмотря на свой горб, а может быть именно вследствие этого недостатка, доктор питал к цирковым зрелищам острую и несколько смешную для человека его возраста любовь. Правда, к его медицинской помощи прибегали в цирке очень редко, потому что в этом мире лечат ушибы, выводят из обморочного состояния и вправляют вывихи своими собственными средствами, передающимися неизменно из поколения в поколение, вероятно, со времен Олимпийских игр...»

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Куприн

В цирке

I

Доктор Луховицын, считавшийся постоянным врачом при цирке, велел Арбузову раздеться. Несмотря на свой горб, а может быть именно вследствие этого недостатка, доктор питал к цирковым зрелищам острую и несколько смешную для человека его возраста любовь. Правда, к его медицинской помощи прибегали в цирке очень редко, потому что в этом мире лечат ушибы, выводят из обморочного состояния и вправляют вывихи своими собственными средствами, передающимися неизменно из поколения в поколение, вероятно, со времен Олимпийских игр. Это, однако, не мешало ему не пропускать ни одного вечернего представления, знать близко всех выдающихся наездников, акробатов и жонглеров и щеголять в разговорах словечками, выхваченными из лексикона цирковой арены и конюшни.

Но из всех людей, причастных цирку, атлеты и профессиональные борцы вызывали у доктора Луховицына особенное восхищение, достигавшее размеров настоящей страсти. Поэтому, когда Арбузов, освободившись от крахмальной сорочки и сняв вязаную фуфайку, которую обязательно носят все цирковые, остался голым до пояса, маленький доктор от удовольствия даже потер ладонь о ладонь, обходя атлета со всех сторон и любуясь его огромным, выхоленным, блестящим, бледно-розовым телом с резко выступающими буграми твердых, как дерево, мускулов.

– И черт же вас возьми, какая силища! – говорил он, тиская изо всех сил своими тонкими, цепкими пальцами попеременно то одно, то другое плечо Арбузова. – Это уж что-то даже не человеческое, а лошадиное, ей-богу. На вашем теле хоть сейчас лекцию по анатомии читай – и атласа никакого не нужно. Ну-ка, дружок, согните-ка руку в локте.

Атлет вздохнул и, сонно покосившись на свою левую руку, согнул ее, отчего выше сгиба под тонкой кожей, надувая и растягивая ее, вырос и прокатился к плечу большой и упругий шар, величиной с детскую голову. В то же время все обнаженное тело Арбузова от прикосновения холодных пальцев доктора вдруг покрылось мелкими и жесткими пупырышками.

– Да, батенька, уж подлинно наделил вас господь, – продолжал восторгаться доктор. – Видите эти вот шары? Они у нас в анатомии называются бицепсами, то есть двухглавыми. А это – так называемые супинаторы и пронаторы. Поверните кулак, как будто вы отворяете ключом замок. Так, так, прекрасно. Видите, как они ходят? А это – слышите, я нащупываю на плече? Это – дельтовидные мышцы. Они у вас точно полковничьи эполеты. Ах, и сильный же вы человек! Что, если вы кого-нибудь этак... нечаянно? А? Или, если с вами этак... в темном месте встретиться? А? Я думаю, не приведи бог! Хе-хе-хе! Ну-с, итак, значит, мы жалуемся на плохой сон и на легкую общую слабость?

Атлет все время улыбался застенчиво и снисходительно. Хотя он уже давно привык показываться полуобнаженным перед одетыми людьми, но в присутствии тщедушного доктора ему было неловко, почти стыдно, за свое большое, мускулистое, сильное тело.

– Боюсь, доктор, не простудился ли, – сказал он тонким, слабым и немного сиплым голосом, совсем не идущим к его массивной фигуре. – Главное дело – уборные у нас безобразные, везде дует. Во время номера, сами знаете, вспотеешь, а передеваться приходится на сквозняке. Так и прохватывает.

– Голова не болит? Не кашляете?

– Нет, кашлять не кашляю, а голова, – Арбузов потер ладонью низко стриженный затылок, – голова, правда, что-то не в порядке. Не болит, а так... будто тяжесть какая-то... И вот еще сплю плохо. Особенно сначала. Знаете, засыпаю-засыпаю, и вдруг меня точно что-то подбросит на кровати; точно, понимаете, я чего-то испугался. Даже сердце заколотится от испуга. И этак раза три-четыре: все просыпаюсь. А утром голова и вообще... кисло как-то себя чувствую.

– Кровь носом не идет ли?

– Бывает иногда, доктор.

– Мн-да-с. Так-с... – значительно протянул Луховицын и, подняв брови, тотчас же опустил их. – Должно быть, много упражняйтесь в последнее время? Устаете?

– Много, доктор. Ведь масленица теперь, так каждый день приходится с тяжестью работать. А иногда, с утренними представлениями, и по два раза в день. Да еще через день, кроме обыкновенного номера, приходится бороться... Конечно, устанешь немного...

– Так, так, так, – втягивая в себя воздух и трясая головой, поддакивал доктор. – А вот мы вас сейчас послушаем. Раздвиньте руки в стороны. Прекрасно. Дышите теперь. Спокойно, спокойно. Дышите... глубже... ровней...

Маленький доктор, едва доставая до груди Арбузова, приложил к ней стетоскоп и стал выслушивать. Испуганно глядя доктору в затылок, Арбузов шумно вдыхал воздух и выпускал его изо рта, сделав губы трубочкой, чтобы не дышать на ровный глянцевитый пробор докторских волос.

Выслушав и выстукав пациента, доктор присел на угол письменного стола, положив ногу на ногу и обхватив руками острые колени. Его птичье, выдавшееся вперед лицо, широкое в скулах и острое к подбородку, стало серьезным, почти строгим. Подумав с минуту, он заговорил, глядя мимо плеча Арбузова на шкаф с книгами:

– Опасного, дружок, я у вас ничего не нахожу, хотя эти перебои сердца и кровотечения из носа можно, пожалуй, считать деликатными предостережениями с того света. Видите ли, у вас есть некоторая склонность к гипертрофии сердца. Гипертрофия сердца – это, как бы вам сказать, это такая болезнь, которой подвержены все люди, занимающиеся усиленной мускульной работой: кузнецы, матросы, гимнасты и так далее. Стенки сердца у них от постоянного и чрезмерного напряжения необыкновенно расширяются, и получается то, что в медицине называем «*cor bovinum*», то есть бычачье сердце. Такое сердце в один прекрасный день отказывается работать, с ним делается паралич, и тогда – баста, представление окончено. Вы не беспокойтесь, вам до этого неприятного момента очень далеко, но на всякий случай посоветую: не пить кофе, крепкого чая, спиртных напитков и прочих возбуждающих вещей. Понимаете? – спросил Луховицын, слегка барабаня пальцами по столу и исподлобья взглядывая на Арбузова.

– Понимаю, доктор.

– И в остальном рекомендуется такое же воздержание. Вы, конечно, понимаете, про что я говорю?

Атлет, который в это время застегивал запонки у рубашки, покраснел и смущенно улыбнулся.

– Понимаю... но ведь вы знаете, доктор, что в нашей профессии и без того приходится быть умеренным. Да, по правде, и думать-то об этом некогда.

– И прекрасно, дружок. Затем отдохните денек-другой, а то и больше, если можете. Вы сегодня, кажется, с Ребером боретесь? Постарайтесь отложить борьбу на другой раз. Нельзя? Ну скажите, что нездоровится, и все тут. А я вам прямо запрещаю, слышите? Покажите-ка язык. Ну вот, и язык скверный. Ведь слабо себя чувствуете, дружок? Э! Да говорите прямо. Я вас все равно никому не выдам, так какого же черта вы мнетесь! Попы и доктора за то и деньги берут, чтобы хранить чужие секреты. Ведь совсем плохо? Да?

Арбузов признался, что и в самом деле чувствует себя нехорошо. Временами находит слабость и точно лень какая-то, аппетита нет, по вечерам знобит. Вот если бы доктор прописал каких-нибудь капель?

– Нет, дружок, как хотите, а бороться вам нельзя, – решительно сказал доктор, соскакивая со стола. – Я в этом деле, как вам известно, не новичок, и всем борцам, которых мне приходилось знать, я всегда говорил одно: перед состязанием соблюдайте четыре правила: первое – накануне нужно хорошо выспаться, второе – днем вкусно и питательно пообедать, но при этом – третье – выступить на борьбу с пустым желудком, и, наконец, четвертое – это уже психология – ни на минуту не терять уверенности в победе. Спрашивается, как же вы будете состязаться, если вы с утра обретаетесь в такой мехлюзии? Вы извините меня за нескромный вопрос... я ведь человек свой... у вас борьба не того?.. Не фиктивная? То есть заранее не условлено, кто кого и в какое состязание положит?

– О нет, доктор, что вы... Мы с Ребером уже давно гонялись по всей Европе друг за другом. Даже и залог настоящий, а не для приманки. И он и я внесли по сто рублей в третьи руки.

– Все-таки я не вижу резона, почему нельзя отложить состязание на будущее время.

– Наоборот, доктор, очень важные резоны. Да вы посудите сами. У нас борьба состоит из трех состязаний. Положим, первое взял Ребер, второе – я, третье, значит, остается решающим. Но уж мы настолько хорошо узнали друг друга, что можно безошибочно сказать, за кем будет третья борьба, и тогда – если я не уверен в своих силах – что мне мешает заболеть или захромать и так далее и взять свои деньги обратно? Тогда выходит, для чего же Ребер боролся первые два раза? Для своего удовольствия? Вот на этот случай, доктор, мы и заключаем между собой условие, по которому тот, кто в день решительной борьбы окажется больным, считается все равно проигравшим, и деньги его пропадают.

– Да-с, это дело скверное, – сказал доктор и опять значительно поднял и опустил брови. – Ну что же, дружок, черт с ними, с этими ста рублями?

– С двумястами, доктор, – поправил Арбузов, – по контракту с дирекцией я плачу неустойку в сто рублей, если откажусь в самый день представления, хотя бы по болезни, от работы.

– Ну, черт... ну, двести! – рассердился доктор. – Я бы на вашем месте все равно отказался... Черт с ними, пускай пропадают, свое здоровье дороже. Да наконец, дружок, вы и так рискуете потерять ваш залог, если будете больной бороться с таким опасным противником, как этот американец.

Арбузов самоуверенно мотнул головой, и его крупные губы сложились в презрительную усмешку.

– Э, пустяки, – уронил он пренебрежительно, – в Ребере всего шесть пудов весу, и он едва достает мне под подбородок. Увидите, что я его через три минуты положу на обе лопатки. Я бы его бросил и во второй борьбе, если бы он не прижал меня к барьеру. Собственно говоря, со стороны жюри было свинством засчитать такую подлую борьбу. Даже публика, и та протестовала.

Доктор улыбнулся чуть заметной лукавой улыбкой. Постоянно сталкиваясь с цирковой жизнью, он уже давно изучил эту непоколебимую и хвастливую самоуверенность всех профессиональных борцов, атлетов и боксеров и их склонность сваливать свое поражение на какие-нибудь случайные причины. Отпуская Арбузова, он прописал ему бром, который велел принять за час до состязания, и, дружески похлопав атлета по широкой спине, пожелал ему победы.

II

Арбузов вышел на улицу. Был последний день масленой недели, которая в этом году пришлась поздно. Холода еще не сдали, но в воздухе уже слышался неопределенный, тонкий, радостно щекочущий грудь запах весны. По наезженному грязному снегу бесшумно неслись в противоположных направлениях две вереницы саней и карет, и окрики кучеров раздавались с особенно ясной и мягкой звучностью. На перекрестках продавали моченые яблоки в белых новых ушатах, халву, похожую цветом на уличный снег, и воздушные шары. Эти шары были видны издалека. Разноцветными блестящими гроздьями они подымались и плавали над головами прохожих, запрудивших черным кипящим потоком тротуары, и в их движениях – то стремительных, то ленивых – было что-то весеннее и детски радостное.

У доктора Арбузов чувствовал себя почти здоровым, но на свежем воздухе им опять овладели томительные ощущения болезни. Голова казалась большой, отяжелевшей и точно пустой, и каждый шаг отзывался в ней неприятным гулом. В пересохшем рту опять слышался вкус гари, в глазах была тупая боль, как будто кто-то надавливал на них снаружи пальцами, а когда Арбузов переводил глаза с предмета на предмет, то вместе с этим по снегу, по домам и по небу двигались два больших желтых пятна.

У перекрестка на круглом столбе Арбузову кинулась в глаза его собственная фамилия, напечатанная крупными буквами. Машинально он подошел к столбу. Среди пестрых афиш, объявлявших о праздничных развлечениях, под обычной красной цирковой афишей был приклеен отдельный зеленый аншлаг, и Арбузов равнодушно, точно во сне, прочитал его с начала до конца:

ЦИРК БР. ДЮВЕРНУА.

СЕГОДНЯ СОСТОИТСЯ 3-я РЕШИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

ПО РИМСКО-ФРАНЦУЗСКИМ ПРАВИЛАМ

МЕЖДУ ИЗВЕСТНЫМ АМЕРИКАНСКИМ

ЧЕМПИОНОМ

г. ДЖОНОМ РЕБЕРОМ

и ЗНАМЕНИТЫМ РУССКИМ БОРЦОМ

и ГЕРКУЛЕСОМ г. АРБУЗОВЫМ

НА ПРИЗ В 100 РУБ.

ПОДРОБНОСТИ В АФИШАХ.

У столба остановились двое мастеровых, судя по запачканным копотью лицам, слесарей, и один из них стал читать объявление о борьбе вслух, коверкая слова. Арбузов услышал свою фамилию, и она прозвучала для него бледным, оборванным, чуждым, потерявшим всякий смысл звуком, как это бывает иногда, если долго повторяешь подряд одно и то же слово. Мастеровые узнали атлета. Один из них толкнул товарища локтем и почтительно посторонился. Арбузов сердито отвернулся и, засунув руки в карманы пальто, пошел дальше.

В цирке уже отошло дневное представление. Так как свет проникал на арену только через стеклянное, заваленное снегом окно в куполе, то в полумраке цирк казался огромным, пустым и холодным сараем.

Войдя с улицы, Арбузов с трудом различал стулья первого ряда, бархат на барьерах и на канатах, отделяющих проходы, позолоту на боках лож и белые столбы с прибитыми к ним щитами, изображающими лошадиные морды, клоунские маски и какие-то вензеля. Амфитеатр и галерея тонули в темноте. Вверху, под куполом, подтянутые на блоках, холодно поблескивали сталью и никелем гимнастические машины: лестницы, кольца, турники и трапеции.

На арене, припав к полу, барахтались два человека. Арбузов долго всматривался в них, щуря глаза, пока не узнал своего противника, американского борца, который, как и всегда

по утрам, тренировался в борьбе с одним из своих помощников, тоже американцем, Гарваном. На жаргоне профессиональных атлетов таких помощников называют «волками» или «собачками». Разъезжая по всем странам и городам вместе с знаменитым борцом, они помогают ему в ежедневной тренировке, заботятся об его гардеробе, если ему не сопутствует в поездке жена, растирают после обычной утренней ванны и холодного душа жесткими рукавицами его мускулы и вообще оказывают ему множество мелких услуг, относящихся непосредственно к его профессии. Так как в «волки» идут или молодые, неуверенные в себе атлеты, еще не овладевшие разными секретами и не выработавшие приемов, или старые, но посредственные борцы, то они редко одерживают победы в состязаниях на призы. Но перед матчем с серьезным борцом профессор непременно сначала выпустит на него своих «собачек», чтобы, следя за борьбой, уловить слабые стороны и привычные промахи своего будущего противника и оценить его преимущества, которых следует остерегаться. Ребер уже спускал на Арбузова одного из своих помощников – англичанина Симпсона, второстепенного борца, сырого и неповоротливого, но известного среди атлетов чудовищной силой грифа, то есть кистей и пальцев рук. Борьба велась без приза, по просьбе дирекции, и Арбузов два раза бросал англичанина, почти шутя, редкими, эффектными трюками, которые он не рискнул бы употребить в состязании с мало-мальски опасным борцом. Ребер уже тогда отметил про себя главные недостатки и преимущества Арбузова: тяжелый вес и большой рост при страшной мускульной силе рук и ног, смелость и решительность в приемах, а также пластическую красоту движений, всегда подкупающую симпатии публики, но в то же время сравнительно слабые кисти рук и шею, короткое дыхание и чрезмерную горячность. И он тогда же решил, что с таким противником надо держаться системы обороны, обессиливая и разгорячая его до тех пор, пока он не выдохнется; избегать охватов спереди и сзади, от которых трудно будет защищаться, и главное – суметь выдержать первые натиски, в которых этот русский дикарь проявляет действительно чудовищную силу и энергию. Такой системы Ребер и держался в первых двух состязаниях, из которых одно осталось за Арбузовым, а другое за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.